

Борец Оскар Питерсон

После тяжелого инсульта великий музыкант вернулся на эстраду

Фото из журнала "Шпигель"

Элла Фицджералд

"ЗВЕЗДЫ" ДЖАЗА

Елена КАЛИСТРАТОВА

Оскар Питерсон — величайший джазовый пианист XX столетия. Он записал множество пластинок вместе с Луи Армстронгом и Эллой Фицджералд. Оскар создал свою группу под названием "Мое любимое трио", в состав которой вошли басист Рэй Браун и гитарист Херб Эллис. "Могучий канадец" гастролировал по всему миру и был "звездой" легендарных концертов под названием "Джаз в филармонии". Сейчас Оскару Питерсону 69 лет. В 1993 году его разбил тяжелый паралич. Долгое время всемирно известный пианист не беседовал с журналистами. Вскоре судьба его вознаградила, и свое выздоровление он отпраздновал, уехав в европейское турне. Предлагаем вам интервью, данное Оскаром Питерсоном немецкому журналу "Шпигель", где он повествует о своей болезни, а также об отношениях с коллегами и об упущенных возможностях...

— Мистер Питерсон, что вас больше всего напугало в вашей болезни?

— Прежде всего то, что я больше не смогу играть на фортепиано. Я даже и не предполагал, что когда-нибудь смогу восстановиться и стать таким, как раньше. Мне в этот период помогли великие люди. Мой терапевт сказал: "Если ты снова станешь играть, то я сразу прекращу тебя лечить". Это была очень тяжелая борьба с недугом.

— Что вам пришло тогда в голову?

— Начал я с тщательного обдумывания, задав себе вопрос: буду ли я чего-нибудь стоить, если больше никогда не прикаснусь к клавишам? Во многом мне помогла дружба с пианистом Лес Маккенном, которого здесь, в Германии, тоже разбил страшный паралич, еще хуже, чем меня. Я ему тог-

да написал, и он мне позвонил, когда снова был в Штатах. Я знал, о чем он говорил, он знал, как я себя чувствовал. Маккен меня во многом поддержал. Страшно самому пережить такое чувство: сегодня ты можешь играть, а на следующий день ты прикасаешься к клавишам, и ничего не происходит.

— Как вы перебороли этот шок?

— Один раз я пришел к своему терапевту, и она попросила: "Сыграй мне что-нибудь". Я попытался исполнить "Балладу любви", простенькое произведение, давно мною написанное. Я не смог и расплакался. Это меня действительно полностью подкосило. Я стал вспоминать, что мы "вытворяли" с гитаристом Джо Рассом... а теперь я не способен даже на простую маленькую песню.

— Что было дальше?

— В это время я начал что-то делать, много сочинять, наверное, это меня и спасло.

— Поговорим о ваших записях. Один компакт-диск вы сделали со скрипачом Перлманом, другой — с басистом Реем Брауном, а также записали произведение с необычным названием "Влюбившись в Оскара"...

— ...о, эта композиция была нелегальной пробой сил перед концертом. Альбом с Перлманом был первым после моей болезни. Когда она меня покинула, у меня было сильное сомнение по поводу того, удастся ли записать альбом или нет. Больше всех помогала и

поддерживала меня жена, она всегда говорила: "Ты будешь снова играть так, как играл раньше, ты — борец". Оказалось, она меня знала лучше, чем я сам себя.

— Иногда вы играете на органе. Из вас мог бы получиться великий органист.

— Я очень люблю этот инструмент, но в роли органиста я себя серьезно никогда не мог представить. Чтобы играть на органе, нужно хорошо владеть педалью. Для меня это было всегда довольно трудно. Я восхищался Каунтом Бейси как органистом. Мне нравилось все, что он делал, и, конечно же, его "биг бэнд". Мы с ним крепко дружили. Он мне мог позвонить в середине ночи и начать разговор без "алло". Я очень жалею, что его нет рядом со мной.

А Дюк Эллингтон частенько подтрунивал надо мной. Когда он садился за фортепиано, то говорил: "Наконец-то ты услышишь настоящего пианиста".

— Кого из великих джазистов, ушедших из жизни, вам больше всего сейчас не хватает?

— Я жалею, что их всех нет рядом со мной — Джо Расса, Диззи Гиллеспи, Роя Эддриджа, Лестера Янга, Колемана Хокинса, Симса, одного из моих любимых саксофонистов. Больше всего меня потрясла неожиданная смерть Нэт Кинга Кола в 1965 году. Я себя тогда чувствовал так, как будто у меня вырезали желудок. Следуя традиции Кола, я

решил оставить в группе трех музыкантов, что было его постоянным атрибутом.

— Вашей подруге Элле Фицджералд сейчас нелегко.

— Я очень забочусь о ней. Я знаю, что мы ее больше никогда не услышим со сцены. Как вы знаете, у нее ампутированы обе ноги. Сейчас она немало пришла в себя. Такие болезни, операции доставляют чудовищную душевную боль. Несмотря ни на что, Элла Фицджералд навсегда останется великой певицей.

— С какими бы певицами вам хотелось сегодня записать пластинку?

— Я всегда испытывал расположение и доверие к Элле Фицджералд. В последние годы, когда Элла уже не поет, я стал большим поклонником творчества певицы Барбары Стрейзанд. Я ею всегда восхищался и счастлив, что она с такой же любовью относится и к моему творчеству. Но я не знаю, интересен ли будет наш творческий союз для фирмы звукозаписи. Им важны только деньги.

— Могли бы вы признаться в том, что в своей жизни что-то упустили?

— Я всегда хотел иметь "биг бэнд", хотя бы на месяц. Каунт

Бейси часто спрашивал: "Почему ты ничего не напишешь для моего бэнда?" А я отвечал: "Бейси, я хочу иметь свой собственный". Но у меня никогда не было возможности.

Оскар Питерсон

Пианист со своей дочкой

— Чем бы вы хотели с нами поделиться на основе собственного жизненного опыта?

— Меня беспокоит, что многие люди забыли, что такое сочувствие по отношению к окружающим. Я опасаясь, что искусство так и будет дальше развиваться: "то под гору, то с горы". Если люди не будут заботиться друг о друге, что же станет с нами? Спасение я вижу в искусстве. Этому учит нас история джаза. Музыка дает уверенность в своих силах и будет всегда стоять над проблемами и неприятностями. Мы все в 50-е и 60-е годы боролись против расизма, тогда, когда появился "Джаз в филармонии", и так далее. Для меня было важно одно — если у меня возникнет чувство ненависти, то я уже не человек. Поэтому я в 1963 году написал для Мартина Лютера Кинга "Гимн свободе".

— Помимо музыки, в чем вы находите отдушину?

— У меня есть маленькая дочка, в этом году ей исполнится 5 лет. Когда я на нее смотрю, то думаю: если бы мы могли еще больше оценить и понять, что значат дети в нашей жизни, какой это великий подарок, наверное, тогда бы мы жили в совершенно другом мире. Впрочем, я надеюсь, что еще многое смогу сыграть. Я хочу свалиться в могилу от удара клавишного молоточка.